

ПОПАДАНЦЫ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

АНДРЕЙ ГОНЧАРОВ

ЧИСТО ЦАРСКОЕ УБИЙСТВО

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г65

В оформлении переплета использована
иллюстрация *А. Дубовика*

Гончаров, Андрей.

Г65 Чисто царское убийство / Андрей Гончаров. —
Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (По-
паданцы специального назначения).

ISBN 978-5-699-91207-0

Трое оперативников специального назначения во главе с Кириллом Угловым в очередной раз заброшены в XVII век, где им предстоит расследовать обстоятельства странной гибели Петра Первого: умер царь своей смертью или же был убит. Сыщик Кирилл Углов узнает от лейб-медика Петра, что царь мог быть отравлен мышьяком. Денщик царя проговаривается, что царь ел конфеты, которые ночью принесла какая-то красивая девушка. Часовой, пропустивший ее в царские покои, был найден мертвым в сундуке с одеждой. Версию с девушкой подтверждает также императрица Екатерина: она видела эту барышню в доме у какого-то вельможи. Имя и нахождение этого вельможи теперь и предстоит выяснить оперативной группе. Но самое главное — при этом не выдать себя, не вызвать подозрений своей речью, манерами и поведением и благополучно вернуться в свое время...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Гончаров А., 2016

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-91207-0

Глава 1

Лейб-медик его императорского величества Иван Блюментрост вышел из комнаты царя и поспешно закрыл за собой дверь. Ему, врачу, нехорошо было в этом признаваться, но он уже сил не имел далее находиться в том смраде, который стоял около постели больного императора. А ведь Иван Лаврентьевич уже две недели не отходил от постели больного.

Первым человеком, которого лейб-медик увидел в коридоре, была, конечно же, государыня императрица Екатерина. Тоже мученица, проводившая у постели больного даже больше времени, чем сам доктор Блюментрост.

— Что, как он? — спросила государыня.

— При проведении операции мучился сильно, кричал, — ответил доктор. — Сей же час, смею надеяться, наступило улучшение, хоть и слабое. Царь заснул.

— Хорошо, я посижу с ним, — сказала Екатерина и зашла в комнату.

Не успел лейб-медик сделать еще два шага по коридору дворца, как из-за поворота показался еще один человек, не отходивший от Петра во время его болезни. Это был светлейший

князь, кавалер ордена Белого орла, до недавнего времени губернатор петербургский Александр Данилович Меншиков.

Он задал Блюментросту тот же вопрос, что и Екатерина:

— Как государь?

— Его величеству стало лучше. Он заснул. У постели больного сейчас находится императрица Екатерина.

Светлейший князь сообщил лейб-медику, что тоже проведает Петра, и скрылся за дверь.

Меншиков вошел в комнату, приблизился к постели императора, наклонился, некоторое время вглядывался в его лицо, затем подошел к Екатерине, сел рядом с ней и произнес:

— Больно, государыня императрица! Сил нет, как горестно видеть жалкое положение, в котором пребывает великий государь!

Екатерина ничего не ответила, только молча взглянула на светлейшего и кивнула. Супруга императора Петра, урожденная Марта Скавронская — а может, и не Скавронская, а Веселовская, кто их разберет в этой Ливонии, — не отличалась болтливостью. Не был замечен за нею и такой недостаток, как острый ум — большая беда у женщин! — или злой язык. Зато императрица была известна своим природным тактом и знанием людей.

— Больно видеть такое положение! — продолжил Меншиков. — Но еще тяжелее сознавать, что в подобном ничтожестве и вся Россия

пребывать будет, ежели государь не осилит болезнь и падет!

— Отчего же Россия будет пребывать в ничтожестве? — спросила Екатерина. — Разве наша армия не остается сильной? Все корабли разом потонут, оттого что не станет флотоводца? Подданные не будут верны императорской короне?

— В том-то и дело, матушка императрица! — воскликнул светлейший князь. — Армия ослабеет без полководца, флот не выйдет из гаваней, и поданные разбегутся! Ведь наши супостаты чего добиваются? На что надеются? Они хотят возвести на престол царевича Петра Алексеевича, сына покойного Алексея Петровича. А сей отрок, как ты сама знаешь, весьма юн, ему десять лет всего. Стало быть, править будет не он, а Долгоруковы, Голицыны да монашка Евдокия, в прошлом супруга нашего государя. А она...

— Молчи, князь, ни слова более! — прервала Екатерина речь вельможи.

Слова Меншикова, как видно, произвели сильное воздействие на императрицу. Эта женщина, обычно весьма сдержанная, встала и в волнении принялась ходить по комнате.

— Да, ты прав, я вижу, — произнесла она. — Евдокия, Долгоруковы!.. Нет, такого я никак не могу допустить! Какое им дело до армии, до новых кораблей? Все захиреет!

— В полном небрежении будут не только армия и флот! — подхватил светлейший. — Ведь

им все преобразования императора ненавистны! Они все хотят сделать так, как покойный Алексей Петрович замыслил! А ему все начинания отца противны были. Он, вслед за погаными раскольниками, Петра антихристом почитал! Если Евдокия с Долгоруковыми верх возьмут, то все назад пойдет. Опять велят бороды отращивать, поклоны перед дворцом бить. Да что там! Им и счет лет от Рождества Христова не нравится, опять от сотворения мира числить начнут. А там, может, и славный град Петров срыть повелят.

— Нет, это ужасно. Слышать о том не хочу! — резко сказала Екатерина. — Но что же делать? Я не вижу выхода!

— Зато я вижу, — заявил Меншиков. — Тебе надо встать во главе государства, матушка императрица!

— Но как же я могу встать во главе, пока Петер жив? — спросила Екатерина. — Это ведь будет изменой. Я даже помыслить такого не могу. — Она указала на кровать, где лежал император.

Грудь его слабо поднималась и опускалась. Лицо выражало страдание. Глаза были плотно закрыты.

— Он есть великан, а я — слабое деревце, растущее в его тени. Или можно употребить такое сравнение: он есть Солнце, я же при нем — лишь Луна, которая отражает его блеск. Сама же я светить не могу.

— Все мы таковы! — воскликнул Меншиков, вставая вслед за Екатериной. — Мы все, дворянство, служилый люд, — суть птенцы Петровы. И покуда император наш жив, мы и помыслить не можем об умалении его величия. Но веришь ли ты уверениям докторов о том, что здоровье государя идет на поправку? Положа руку на сердце — веришь? — Екатерина молчала. — Вижу ответ на твоём лице, — продолжил светлейший. — Мы должны готовиться к самому худшему. Теперь нам нужно думать о том, как продолжить дело Петра. И путь к этому только один: власть в империи должна перейти к тебе.

— Однако в России еще не случилось такого, — заметила Екатерина. — Князь Голицын мне говорил, что полки откажутся приносить присягу женщине и мужики в деревнях бунт учинят.

— А ты князя не слушай, — посоветовал Меншиков. — Он свою выгоду блюдет, в совет при малолетнем Петре Алексеевиче попасть хочет. Ты меня слушай, что я скажу. Я говорил с Бутурлиным, командиром Преображенского полка, и с офицерами тоже беседы имел. Все они в один голос мне сказали: гвардия не признает на троне никого, кроме великой государыни Екатерины, которую сам Петр сделал своей супругой и императрицей. А главная сила — это гвардия. Как она скажет, так и будет.

— Но ведь есть еще дочери Ивана, брата Петра, — заметила Екатерина. — Анна, Прасковья, Екатерина Мекленбургская. У них тоже имеются права на престол.

— А я тебе повторю уже сказанное. Гвардия не признает ни одну из них, — отвечал светлейший. — Они об этом знают и борются за трон не станут. Нет, у нас есть только один серьезный противник — это приверженцы покойного изменника Алексея. С их стороны возможны всякие каверзы и измены. Я даже вот что допускаю, матушка. Вдруг это они, Долгоруковы да Голицыны, подсыпали императору какою-нибудь яду, чтобы усилить почечную болезнь и тем свести его в могилу?

— Да ты что такое говоришь, князь?! — воскликнула Екатерина. — Это же сушая измена! За такое злодейство лютая смерть положена!

— Так оно и есть! — Меншиков кивнул. — Ежели такое доказать, то, знамо дело, будет им смерть. Только дознаться того трудно. Я докторов спрашивал, они только плечами пожимают, следов отравления не видят. Ну да ладно. Нам бы только власть твою установить, а там мы розыск проведем как надо. Значит, у нас сегодня двадцать пятое января. Надо готовить гвардию к выступлению в ближайшие дни — завтра или на сутки позже. Я этим займусь. А ты, матушка, будь тверда и во всем положишься на меня. Не отступишься от того, о чем мы сейчас говорили?

— Нет, не отступлюсь, — твердо сказала Екатерина. — Ежели супруг и господин мой

скончается, то я готова буду воспринять власть. Только... Ой, что это?! Кто там?!

Лицо Екатерины исказилось. Она с ужасом показывала в угол комнаты. Меншиков стремительно обернулся в ту сторону, одновременно нашаривая на поясе эфес шпаги. Он думал увидеть в углу затаившихся шпионов, лазутчиков противной партии. Но светлейший углядел совсем другое: нечто вроде мужской фигуры, размытой и при этом совершенно голой. Впрочем, видение продолжалось всего один миг. Затем оно растаяло и исчезло. Угол комнаты опустел.

— Что же это такое было, князь? — дрожащим голосом спросила Екатерина. — Я ясно видела голого мужика, который внимательно слушал наш разговор, а затем пропал.

— Да, мне тоже такое показалось, — подтвердил Меншиков. — Знаешь, что я тебе скажу, матушка? Это не иначе как сам дьявол нас пугает. Слышит, как мы правое дело задумали, и страшит. Но нас не собьешь! Сотворим молитву и будем в намерении нашем стоять твердо!

Глава 2

— Говорил я, заметят, так оно и вышло! — воскликнул Ваня, едва хроногенератор закончил свою работу и член оперативной группы полностью вернулся в свое время. — А вы все твердили: «Ничего, обойдется».

— Я и сейчас скажу, что ничего страшного не произошло, — заявил руководитель проекта «Хронос» Николай Волков. — Что они там за секунду могли увидеть? Какую-то тень. Наверняка приняли за привидение. Кто там, кстати, был?

— Екатерина, жена Петра, и Меншиков, — отвечал Ваня.

— Вот как? — воскликнул Кирилл Углов, возглавляющий оперативную группу. — О чем же они говорили?

— О том, кто займет трон после смерти Петра. Меншиков уговаривал Екатерину стать императрицей, обещал ей поддержку гвардии. Но самое интересное не это. Такое в учебниках прочесть можно. Важны другие слова Меншикова. Знаете, что он сказал? Мол, сторонники воцарения Петра Алексеевича могли отравить

императора! Прямо готовую гипотезу для расследования нам предложил!

— Вот видишь! — воскликнул научный руководитель проекта Григорий Соломонович Нойман. — А ты еще сомневался, стоит ли затевать такое мероприятие!

Этот разговор происходил в помещении петровского Зимнего дворца, той части Эрмитажа, которая была возведена еще при жизни великого императора. Здесь он жил и умер. Специалисты несколько недель тщательно вычисляли, где именно стояла кровать Петра, в каких помещениях жили слуги. Это делалось для того, чтобы заслать в прошлое одного из членов группы чуть раньше остальных. Он мог бы присутствовать при последних минутах жизни императора.

Эта идея принадлежала Николаю Волкову, возглавлявшему проект «Хронос», и научному руководителю Григорию Нойману. Кирилл Углов, командовавший оперативной группой, то есть теми людьми, которые непосредственно путешествовали во времени, после некоторых колебаний поддержал такую мысль.

Послать они решили именно Ваню Полушкина, который мог неплохо чувствовать эмоциональное состояние других людей, обладал тем, что называется эмпатией. Согласно замыслу руководства, он должен был подсмотреть, что делается у кровати больного Петра.

В случае удачи Иван мог увидеть, как убийца давал императору яд. Но даже если ничего такого лазутчик не заметит, он сможет подслу-

шать разговоры у постели больного. Пользуясь своими способностями, Полушкин определит, кто из приближенных Петра обманывает царя, а кто говорит правду. Теперь, когда лазутчик вернулся, можно было оценить, насколько удачен оказался этот проект.

— Значит, Меншиков подозревает приближенных юного Петра Алексеевича в заговоре с целью убить императора? — уточнил Нойман. — А он сам-то что говорил?

— Меншиков все время твердил о том, что сторонники покойного Алексея Петровича уничтожат все завоевания императора, — объяснил Ваня. — Мол, армия и флот захиреют, подданные разбегутся и бороды опять начнут отращивать. Петербург перестанет быть столицей. В этом он, кстати, прав. Как в воду глядел. Когда в тысяча семьсот двадцать седьмом году на престоле оказался Петр Второй, столица была перенесена в Москву.

— Насколько же светлейший князь был искренен? — спросил Углов. — Можешь оценить?

— Пожалуй, могу. Я, правда, далеко от них стоял, за ширмой. Иначе они заметили бы меня. Но даже на таком расстоянии я обычно хорошо чувствую других людей. Так вот, Меншиков говорил о грозящем упадке армии и флота с настоящей болью. Когда Екатерину уговаривал стать императрицей, не врал. Он действительно считает ее лучшим выбором для России. Так что князя Меншикова мы уже сейчас можем исключить из числа подозреваемых.

— Вот он, главный результат твоей засылки в прошлое! — воскликнул Нойман. — Вы сразу получаете направление для работы. Вам не нужно будет гадать, кем стоит заниматься, а кто сможет вам помочь. А ведь это ваше задание — особенно сложное, тут каждая мелочь важна.

— Да уж, не говорите, — согласился Игорь Дружинин, третий член оперативной группы.

Он меньше всех хотел отправляться в ту давнюю эпоху и выглядел подавленным с того самого дня, как им была поставлена новая задача.

Это произошло давно, ровно за год до того, как Ваня появился в спальне умирающего Петра. Тот день был памятен всем оперативникам. До этого они долго гадали, куда им придется отправиться: в конец восемнадцатого века, выяснять обстоятельства убийства императора Павла Первого, или в эпоху СССР, расследовать причины гибели Фрунзе под ножом хирурга. Почему-то никто не думал о Петре Великом как возможном объекте расследования. Так что задание стало для них совершенной неожиданностью.

Григорий Соломонович сформулировал его следующим образом:

— Вам надо будет отправиться в тысяча семьсот двадцать пятый год и выяснить обстоятельства смерти императора Петра Великого. Он умер от воспаления мочевого пузыря и последовавшей гангрены или же кто-то помог его болезни обостриться? Вы можете спросить, почему вообще возникли сомнения в естественной